

ЗА ОКНОМ вьюжный февральский день. Где-то далеко внизу — шумная сутолока улицы Кирова. Если смотреть вперед, то видишь заснеженные крыши московских домов, оцетинившиеся телевизионными антеннами.

Эта панорама раскрылась передо мной, когда я стоял перед окном в кабинете народного артиста СССР Алексея Николаевича Грибова, прильнув к глазку видоискателя маленькой любительской кинокамеры.

— Зафиксируйте свое внимание на каком-либо предмете.

— Готово.

Мой собеседник повернул телеобъектив, и все эти крыши, трубы, антенны, увеличиваясь в размерах, упрямо двинулись на меня.

— Любительские кино съемки — мое новое и очень большое увлечение, — сказал Алексей Николаевич, бережно укладывая аппарат в футляр. — И хотя я еще «молодой» оператор, но уже успел заснять несколько документальных фильмов во Франции, Англии, Польше, Японии, а также на родине Антона Павловича Чехова — в Таганроге, куда МХАТ выезжал на празднование столетия со дня рождения великого писателя.

Не случайно мне захотелось начать свой рассказ о замечательном мастере советской сцены и экрана именно с этого эпизода.

Необычайная страсть и целеустремленность, любознательность и вдумчивость отличают все, за что бы ни брался этот человек. Его неперенное правило — интересоваться всем, что происходит вокруг, и стараться все уметь самому. Без этого невозможно достичь правды в искусстве, считает он. Кажется, что может быть общего между игрой на сцене Художественного театра, съемками в кино и прыжками с самолета или путешествием на Северный полюс? Но для Грибова эта связь существует.

— Вы знаете, — говорит он, — я больше всего сожалею, что не сделал эти две вещи. Теперь уж ничего не поделаешь, упустил время!

Он произнес это с такой горечью, что я невольно посочувствовал ему.

— Ну, что касается прыжков с парашютом, то бог с ними, а Северный полюс еще не закрыт. Успеете.

— Так-то оно так, да ведь театра не оставишь. Мне не только полюс, но и весь север объездить хочется: уж очень там все интересно и значительно, особенно теперь. А на это месяца четыре надо. Разве отпустят?

В этих простых словах — ключ к пониманию искусства Грибова, искусства, которое вызывает неизменный восторг зрителей. Ведь главное в его творчестве то, что он актер советской мысли, советского мироощущения. И в том, как Алексей Николаевич играет и героев советской действительности, и людей, живущих в иное время и при ином строе, всегда чувствуется партийное отношение художника к создаваемым образам.

Алексей Николаевич Грибов — сын слесаря одного из московских заводов. В 1916 году, когда его отца призвали в армию, Алексей пошел работать на шелкоткацкую фабрику. Было ему в то время 14 лет. И никогда бы не раскрылся недоюный талант Грибова, если бы не революция. Мальчик начинает учиться

Алексей Николаевич ГРИБОВ

в школе-клубе Замоскворецкого района. Здесь-то он и становится неперенным участником драматического кружка.

— Хотя мои первые сценические опыты, относящиеся к школьным годам, были робкими и несовершенными, — вспоминает Грибов, — театр всегда внутренне будоражил меня, притягивал, увлекал, заставлял забывать окружающее. Школа воспитала во мне страстную любовь и высокое уважение к актерскому мастерству. Мы сами ставили тогда спектакли, сами играли и сами же занимались монтажными, декоративными, костюмерными, световыми работами; коллективно посещали московские театры, особенно часто Художественный.

Художественный театр! Ни за что бы не поверил рабочий паренек, восторженный игрой Москвина, Качалова, Книппер-Чеховой, Леонидова, Лужского и других корифеев этого прославленного коллектива, что уже недалек тот час, когда он станет их младшим товарищем.

В 1924 году Алексей Грибов — студент третьего курса школы-студии МХАТ. Остались позади восемь лет работы на ткацкой фабрике. Перед ним открывался увлекательный и трудный путь искусства. И Грибов с радостью вступил на этот путь.

В кинематограф Алексей Николаевич пришел через одиннадцать лет.

— Моими «крестными отцами» в кино были режиссеры А. Зархи и И. Хейфиц, — рассказывает Грибов. — Они, назерное, забыли об этом, а я хорошо помню. Было это в 1935 году. Играл я тогда роль командира танкового батальона Горбунова. Он-то и начал галерею моих киногероев. Разные были среди них люди. И секретарь парткома П. П. П. («Два брата» или «Милый друг»), и немецкий рабочий-антифашист Шульц («Болотные солдаты»), и комиссар госбезопасности («Поединок»), и машинист («Поезд идет в Москву»).

Съемки последнего из них произошли при комичных обстоятельствах. Было это до войны. Я проводил свой отпуск в Туапсе. Однажды на вокзале меня «опознал» кто-то из сотрудников студии «Союздетфильм». Пришлось мне тогда прервать на несколько дней свой отпуск и превратиться в машиниста Василия Ивановича.

Перебирая в памяти образы, созданные Алексеем Николаевичем в кино, я спросил его, чем объяснить, что он чаще всего снимался в небольших ролях.

— От актера тут мало что зависит. Режиссер предлагает, а уж твоё дело — соглашаться или нет. Но я люблю небольшие роли. В них все предельно сжато, лаконично. Ни одного лишнего жеста, ни одного ненужного слова. И вместе с тем необходимо сделать образ полнокровным, запоминающимся. Вот хотя бы Чехов. Иной раз описание образа и пяти строк не занимает. А ведь как вчитаешься — глубина!

Для Грибова действительно не существует «маленьких» ролей. Кто из видевших Алексея Николаевича в фильмах «Человек в футляре», «Свадьба» забудет созданные им образы слуги Беликова — Афанасия и «почтенного» отца семейства Игиталова? А глубоко трагический образ Шмаги в кинокартине «Без вины виноватые»? А Осип в «Ревизоре»? Вот уж поистине это тот случай, когда маленькая роль стоит большой! Это подлинные шедевры. И хотя после создания некоторых из них прошли многие годы, мы, вспоминая тот или иной фильм, неизменно восклицаем: «А помните, как там хорош Грибов!».

Известно, что Горький, пораженный игрой Тарханова, исполнителя роли Семенова («В людях»), спросил артиста: «Скажите, а вы лично не были знакомы с булочником Семеновым?» Подобный же вопрос невольно хочется задать и Грибову после знакомства с созданными им образами старого тренера Воронова в фильме «Смелые лю-

ди», следователя Чубикова («Шведская спичка»), клоуна Эдвардса («Гуттаперчевый мальчик»). И не случайно, что именно эти фильмы Алексей Николаевич относит к числу своих наибольших удач в кинематографе.

Неизменный интерес ко всему окружающему всегда влек Грибова к новым людям, свежим впечатлениям.

Однажды актер появился на Московском ипподроме. Но не на трибунах, а... в конюшне. В течение шести месяцев он ежедневно с 6 до 11 часов утра учился искусству наездника. В одном из заездов разыгрывался приз имени Книппер-Чеховой. В этом заезде принимал участие и Грибов.

— За меня платили много, так как почти никто на меня не ставил. Не верили, — смеясь рассказывает Алексей Николаевич. — А я выиграл. У меня до сих пор хранится почетный жетон в память моей победы. Вот почему, когда много лет спустя я оделся в костюм Воронова, я снова почувствовал себя наездником, ясно увидел внешний облик своего героя, почувствовал его манеры, ощутил его характер.

В скором времени мы вновь встретимся с Грибовым на экране. «Мосфильм» и студия имени Горького закончили производство кинокартин с его участием — «Мертвые души» и «Бессонная ночь». Те, кто видел «Мертвые души» на сцене МХАТ, хорошо помнят вылепленный Грибовым образ Собакевича. Гоголевский замысел обрел в его исполнении поистине прекрасное сценическое воплощение. Теперь замечательная игра Грибова на сцене театра станет достойным кинозрителю.

Прощаясь с Грибовым, мы пожелали ему не только новых актерских удач, но и успехов в операторском искусстве.

Г. СКАЛОВ.

Кадр из фильма «Без вины виноватые».

Кадр из фильма «Спортивная честь».

Кадр из фильма «Шведская спичка».

Кадр из фильма «Гуттаперчевый мальчик».

Кадр из фильма «Бессонная ночь».